

III. ИСТОРИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

УДК 504. 05

© Бухарин С.Н., Ракитянский Н.М.
Bucharin S., Rakityansky N.

ПОЛЬСКИЙ ВМФ И КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (Исторический экскурс и политико-психологический анализ)

POLISH NAVY AND COLONIAL PROJECTS OF THE SECOND RZECZPOSPOLITA (History and political-psychological analysis)

Аннотация. В статье рассматривается колониальная политика Польши в 20-30-е годы двадцатого столетия.

Annotation. The article deals with the colonial policy of Poland in the 20-30th years of the twentieth century.

Ключевые слова. Военно-морской флот, заморские владения, осадники, переселенцы, колонисты, национальные меньшинства, политика, психолого-политические установки, аффект неадекватности, менталитет, ментальные особенности, концепция.

Key words. Navy, overseas possessions, osadniki, settlers, colonists, minorities, politics, psychological and political attitudes, inadequate affect, mentality, mental characteristics, the concept.

Военно-морской флот Второй Речи Посполитой. Несостоявшаяся история

С древних времён морской и тем более океанский флот был не только символом морского могущества страны, но и средством сильной политики и колониальной экспансии. Выход к морю, если его не было, и строительство кораблей всегда входили в круг стратегических задач различных государств. Так, Россия никогда не стала бы империей, не построив свой военно-морской флот (ВМФ) под руководством Петра Великого. Понимали это, правда, по-своему и руководители Польши, получившей независимость в 1918 г.

Польский ВМФ был основан декретом главы Второй Речи Посполитой маршала Ю. Пилсудского 28 ноября 1918 года. В то время Польша не имела морских судов, а только две флотилии речного флота, доставшиеся ей от поверженной в Первой мировой войне Германии. В настоящее время на вооружении ВМФ Польши находится 140 плавающих единиц, несколько десятков самолетов и вертолетов. Личный состав насчитывает 15 тысяч военнослужащих, из них 7 тысяч профессиональных военных.

В начале тридцатых годов Польша обладала третьей по численности армией в Европе. Однако эта армия не соответствовала требованиям того времени. Согласно

Бухарин Сергей Николаевич – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ИПУ РАН, тел. +7(495) 580-48-80.

Ракитянский Николай Митрофанович – доктор психологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, тел. 921- 83- 53.

Bucharin Sergey – the candidate of physical and mathematical sciences, the senior research scientist of IPM RAS, tel. +7(495) 580-48-80.

Rakityansky Nikolay – PhD of Psychology; Moscow State University of M.V. Lomonosov, tel. 921-83-53.

довоенному пятнадцатилетнему плану «Строительства Польши 1939-1954 гг.», только с 1939 г. планировалось обеспечить рост военной промышленности. Польша как некогда самая развитая часть Российской империи к началу Второй мировой войны располагала 11 кавалерийскими бригадами и не имела ни одной танковой. У нацистской Германии на тот момент было 6 танковых дивизий и только одна кавалерийская бригада [1]. СССР к началу Первой мировой войны успел создать могучую индустрию, армию, флот и авиацию. При этом и Германия, и Россия развивали свою промышленность в гораздо более сложных условиях, нежели Польша. Причиной такого парадокса являются ментальные особенности польских правящих элит, которые вместо решения актуальных проблем государственного развития увлеклись утопическими проектами, направленными на возрождение Речи Посполитой «от можа до можа».

В октябре 1918 г., в Варшаве несколькими поляками, имевшими отношение к речному и морскому флоту, по инициативе вице-адмирала Казимира Порембского была основана организация «Bandera Polska» («Польский флаг»), основной целью которой должна была стать пропаганда строительства флота для новой Польши [2]. На тот момент выхода к морю у Польши не было. Доступ к Балтике появился в виде «версальского» «Польского коридора» в 1919 г.

К. Порембский, георгиевский кавалер, отмеченный множеством боевых наград, был контр-адмиралом Российского Императорского флота и патриотом Российской империи. Он был незаурядным человеком и отличным организатором. «Польский флаг» под его руководством начал с инвентаризации речных судов, оставшихся в Варшаве после изгнания оттуда немцев. Будучи поначалу немногочисленным, всего в нем на момент создания было 25 членов, он совсем скоро стал весьма авторитетной организацией.

В конце мая 1919 г. «Польский флаг» был переименован в Лигу польской навигации (Liga Żegluga Polska), а в 1924 г. организация поменяла название на Liga Morska i Rzeczna и стала выпускать журнал «Море», посвященный проблемам развития судоходства.

В 1921 г. поляки начали расширение и модернизацию порта в соседствующей с Данцигом Гдыне. Для приобщения поляков к морю тратилось много средств и времени, но это было экономически обосновано. Без выхода к мировому океану польская экономика становилась зависимой от соседей в вопросах импорта и экспорта. Таким образом, деятельность организации в то время была не только конструктивной, но и весьма эффективной, так

как грузооборот через Гдыню стремительно рос.

Однако ситуация скоро изменилась. В феврале 1928 г. под предводительством бывшего польского консула в Куритибе (Бразилия) К. Глуховского был создан Союз колониальных пионеров (Związek Pionierów Kolonialnych), главной целью которого была пропаганда обретения Польшей колоний за морем [2]. В том же году этот союз на правах отдельной секции вошел в Лигу польской навигации, которая в октябре 1930 г. была переименована в Морскую и Колониальную Лигу (Liga Morska i Kolonialna) – МКЛ. Это было не простым переименованием, но и принципиальной сменой курса – в программу организации первым съездом, проведенным в октябре 1928 г., уже были включены пункты о том, что организация будет бороться за обретение Польшей колоний. Отныне вся энергия и ресурсы МКЛ стали вкладываться в этот проект.

В октябре 1935 г. в журнале «Море» был опубликован следующий текст, который имел программный характер: «Мы, поляки, как и итальянцы, стоим перед большой проблемой размещения и использования быстро увеличивающегося населения. Мы, поляки, как и итальянцы, имеем право требовать, чтобы для нас были открыты рынки экспорта и регионы для поселения, чтобы мы могли получать сырье, необходимое для национальной экономики на условиях, на которых это делают иные колониальные державы».

В январе 1936 г. на страницах «Моря» вышла статья К. Езиоранского, в которой говорилось, что только тогда Польша станет великой державой, когда сможет поставлять через порты все необходимые ресурсы для производства, а это будет только тогда, когда появится возможность контролировать добычу и перевозку сырья в Польшу, что ведет к необходимости осуществления колониальной политики. В октябре 1936 г. Я. Дебский писал, что Польша должна выйти из европейских границ, что поляки ничем не хуже немцев, итальянцев и японцев, требующих колоний. Но для этого полякам надо кардинально изменить подход к современному положению, надо пропитывать колониальной идеологией страну и общество. И это лишь отдельные примеры того, что писалось только в журнале «Море» в 1930-е годы.

С середины 1930-х годов в Польше МКЛ начала проводить «неделю моря», которая проходила под патронатом влиятельнейших лиц – в 1937 г. это был генерал К. Сосновский, который несколько позже стал Протектором Лиги, президент Польши Мосцицкий, почетный член Лиги, маршал Рыдз-Смиглы, примас Польши Август Глонд. Неделя проходила в парадах и выставках, под де-

визом «Нам нужны сильный флот и колонии!». В 1938 г., кроме «недели моря», МКЛ стала проводить «Дни колоний», посвященные пропаганде среди населения идеи колониализма. Здесь мы отметим, что население Польши встречало такие идеи с пониманием – в начале 1938 г. в МКЛ состояло около 690 тысяч человек, к концу года – порядка 841 тысяч, а к началу сентября 1939 г. – почти миллион человек. По поводу колониальных надежд в Польше царила эйфория. В предвоенный год польская Морская колониальная лига насчитывала около миллиона членов. Колониальная политика МКЛ и польского государства осуществлялась в трех направлениях.

Первое – переселение колонистов-осадников¹ на новые земли, в том числе и за рубежом. Это, в первую очередь, территории Западной Украины и Белоруссии, захваченные у советской России. Чтобы нарушение прав коренного населения не вызывало осуждения мировой общественности, Ю. Бек 13 сентября 1934 г. на заседании Лиги наций сделал заявление, в котором отмечалось, что Польша отказывается от сотрудничества с международными органами, контролирующими соблюдение положений в области защиты прав национальных меньшинств. Кстати, это заявление было сделано в день приема Советского Союза в члены Лиги Наций. Тема осадников на отторгнутых у России территориях будет подробно рассмотрена позже.

Что касается заморских территорий, то польские государственные деятели планировали создать там мощные диаспоры. Это не делало такие территории владениями Польши, но могло позволить осваивать новые регионы на пользу польской экономике, поскольку по замыслам политиков осадники в обмен на кредиты для переселения должны были рассчитываться сырьем. Это направление колониальной политики практиковалось весьма большим количеством организаций в Польше, а также активно поддерживалось правительством. Однако осадники не способны были вести добычу сырья в промышленных объемах, в связи с этим проект провалился и принес одни убытки.

Второе – создание больших плантаций на основании концессий от правительств слаборазвитых стран. Предполагалось, что такие концессии, управляемые централизованно польскими компаниями, должны были стать основой для масштабного импорта дешевого сырья в Польшу. Именно на такой род «колониализма» – круп-

ные плантации – делала ставку МКЛ.

В Бразилии предполагалось проложить силами польских компаний железную дорогу из Рио-де-Жанейро до Гаурапави с целью соединения польских поселений и одновременно улучшения условий перевозки сельскохозяйственной и лесной продукции. Взамен МКЛ должна была получить 2 миллиона гектаров из территорий индейского резерва вокруг железной дороги. Однако авторы проекта не учли, что стоимость работ намного превышает их финансовые возможности. В результате было приобретено всего лишь около 7 тысяч гектаров земли для поселения, названного «Морская воля» (Morska Wola). Несколько позже на средства МКЛ были приобретены дополнительные 20 тысяч гектаров для поселения «Орлич-Дрешер». В 1935 г. началось заселение «колоний», в «Морской Воле» поселилось лишь 350 человек – что неудивительно, так как затраты на переселение одной семьи составляли до 3 тысяч долларов США. Кроме того, непродуманная политика организаторов проекта с местными властями и радикальный национализм осадников насторожили правительство Бразилии. В результате бразильский колониальный проект с треском провалился. В Анголе, Либерии, Перу, Аргентине, Мозамбике, Боливии были допущены те же ошибки: проекты не укладывались в имеющиеся ресурсы при том, что колонисты не скрывали своих «захватнических» планов. В итоге везде польских колонистов преследовали неудачи.

Необходимо отметить и мадагаскарский проект польских «колонизаторов». В «Колониальных тезисах...» отдельное место было посвящено вопросу переселения евреев на Мадагаскар. Это должно было произойти по «желанию мирового еврейства». В связи с этим в 1937 г. французский министр заморских территорий М. Моте высказался относительно теоретической возможности передачи Мадагаскара под опеку Польши. По заданию министра Ю. Бека и при согласии Моте была создана комиссия по изучению приспособленности острова для заселения евреями из Польши. В комиссию входили директор еврейского эмиграционного общества в Варшаве Л. Альтер, агроном из Тель-Авива, уроженец Галиции С. Дик и майор М. Лепецкий. В мае 1937 г. комиссия прибыла в Париж, откуда убыла на Мадагаскар, где работала 10 недель и составила отчет относительно пригодности северной части острова к колонизации. Однако планам не было суждено реализоваться из-за начала мировой войны.

¹Осадники (польск. osadnicy, ед. ч. osadnik – поселенец) – вышедшие в отставку солдаты, офицеры польской армии, члены их семей, а также гражданские переселенцы-поляки, получившие после окончания советско-польской войны и позднее земельные наделы на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии с целью активной колонизации (ополчания) территорий, отошедших Польше по Рижскому мирному договору 1921 г.

Экзотический характер имел так называемый «антарктический проект поляков». Косвенным свидетельством того, что правительство Польши могло планировать акцию по «экспансии» в Антарктиде, может послужить тот факт, что в марте 1939 г. посольства Польши в Лондоне и Вашингтоне получили поручения от МИД сделать запрос относительно того, на какие области континента распространяются формальные территориальные претензии этих держав [2].

Третье – создание классических колоний, т.е. политическое подчинение Польше определенных территорий. Такой подход также находил активную поддержку МКЛ. Так, в сентябре 1936 г. на заседании Лиги Наций министр иностранных дел Польши Ю. Бек зачитал обращение относительно проекта по расширению членства в комиссии по делам мандатов, т.е. отобранных у Германии и Оттоманской империи колониальных территорий. Это было сделано для того, чтобы все заинтересованные в колониях нации могли получить свою долю. Аналогичное заявление прозвучало на заседании комитета по иностранным делам польского Сената. Германские дипломаты докладывали в Берлин, что польское руководство рассматривало вариант обращения в Лигу Наций с предложением передать Польше часть (до 9 процентов) германских колоний (в связи с тем, что Польша частично была «наследницей» Германии в плане территорий) – Того и Камерун, «которые и так никому не нужны». Результатом всей кампании 1936–1937 гг. можно назвать изданные летом 1937 года МИД Польши «Колониальные тезисы Польши» [2].

В марте 1939 г. во время подготовки визита в Лондон Ю. Бека польское посольство передало список тем для обсуждения при визите. Одной из таких тем была тема колоний. В ответ 8 марта 1939 г. Галифакс телеграфировал послу Великобритании в Варшаве просьбу передать полякам: «так как между Великобританией и Польшей нет колониальных проблем, на данный момент обсуждать нечего». Поляки были возмущены жестким ответом и даже хотели перенести визит Бека на позднее время.

Таким образом, Польша расходовала колоссальные средства на реализацию утопических проектов, тогда как ее оборонная промышленность не развивалась. Вопросы обороноспособности страны решались порой весьма оригинально. Так, в 1933 г. правительство наделило МКЛ полномочиями по администрированию «Фонда Морской Обороны», целью создания которого был сбор средств на укрепление польского ВМФ. В течение двух лет МКЛ смогла насобирать в Фонд порядка 8 миллионов 200 тысяч злотых, на который была построена скандаль-

но известная подводная лодка «Орел». Следует отметить, что все без исключения польские военнослужащие в принудительном порядке должны были делать денежные отчисления в этот Фонд.

«Орел» с ноября 1939 г. в течение 7 месяцев действовал в составе британского флота – под польским флагом и с польским экипажем. За это время он потопил лишь один германский грузовой пароход «Рио-де-Жанейро». Субмарина погибла 8 июня 1940 г. в результате подрыва на mine в Северном море, из личного состава подводной лодки никто не уцелел.

Весьма интересны попытки создания польского Военно-морского флота. После победы в войне с советской Россией на мирных переговорах в Риге в 1921 г. Польша потребовала от России часть кораблей Балтийского флота: 2 линкора типа «Гангут», 10 больших эсминцев, 5 подводных лодок, 10 тральщиков, 21 вспомогательный корабль, а также 2 недостроенных крейсера типа «Светлана». И все это для защиты 42 миль побережья! Советской делегации удалось отклонить эти притязания. Тогда же правительство Польши обратилось к Финляндии с просьбой приобрести для своих ВМС два бывших сторожевых корабля русского флота. К началу революции они находились в стадии строительства в финских портах. После покупки поляками этих кораблей они были переименованы в «General Haller» и «Komendant Pilsudski» соответственно [4].

После Первой мировой войны западные союзники Польши передали ей ряд мелких военных судов, например, Великобритания передала польскому флоту захваченные у немцев после заключения мирного договора малые миноносцы V 105, V 106, V 108 (340/421 т), A 64, A 68, A 80 (330/381-392 т), которые немцы себе вернули в первые дни войны с Польшей. В 1927 г. поляки купили у Бельгии старый бронепалубный крейсер «Д'Антрекасто» («D'Entrecasteaux»), 1899 г. постройки. Он использовался в качестве блокшива до 1938 г., после чего был разрезан на металл. Но все это не имело никакого значения в деле создания реального ВМФ.

В тех же двадцатых годах польский флот планировали пополнить американскими до-дредноутами. Говорилось, в частности, о возможности приобретения «Нью-Джерси» ВВ-16. Однако расчеты, произведенные в Штабе обороны побережья, показали, что только на окраску этих кораблей потребуются почти все средства, выделенные на польский военно-морской флот, а содержание этих «гигантов» поглотит весь госбюджет.

Военно-морские амбиции поляков не имели границ. Так, на конференции по разоружению в Женеве

Польша объявила о желании создать флот общим водоизмещением 150 000 тонн. Проект судостроительной программы включал два линкора, 2 тяжелых крейсера, 9 эсминцев, 9 миноносцев, 18 подводных лодок, 21 тральщик, 24 сторожевика и значительное количество вспомогательных кораблей. Общая стоимость программы достигла миллиарда злотых (200 миллионов долларов). Эта программа также осталась на бумаге [5].

В 1925 г. было решено учредить пограничную охрану и вооружить ее современными быстроходными катерами, купленными за границей. Предлагались и собственнороссийские проекты. Первый польский катер заложили на Модлинской верфи в конце 1930 г. Испытания показали, что новый катер развивает на полном ходу 24,3 узла, а на экономическом – 11 узлов и является самым быстроходным польским кораблем. На Балтике по скорости его превосходили только немецкие катера типа S.

Несмотря на амбициозные проекты некоторых польских лидеров по созданию крупных боевых кораблей, самой большой боевой единицей военно-морского флота Польши в то время оставался минный заградитель «Гриф» французского производства.

Лишь в 1936 (!) г. польские адмиралы несуществующего ВМФ спустились с небес на землю и подготовили шестилетнюю программу перевооружения флота, учитывающую возможности бюджета польского государства. В соответствии с ней до 1942 г. предполагалось построить 8 современных эсминцев, 12 подводных лодок, 1 минный заградитель, 12 тральщиков и 10 торпедных катеров.

В рамках шестилетней программы стали осуществляться более продуманные проекты, что привело к постройке двух современных эскадренных миноносцев «Blyskawica» и «Grom». Их заказали в Англии по оригинальному проекту. Поскольку Польша не могла соперничать со своими соседями по числу строящихся единиц, при подготовке требований к новым эсминцам был избран путь индивидуального превосходства над кораблями этого класса флотов Германии и Советского Союза. В результате спроектированные опытными конструкторами верфи «Уайт», «Blyskawica» и «Grom» оказались сильнейшими европейскими эсминцами своего времени, уступая лишь новейшим французским лидерам.

Программой 1936 г. предусматривалась постройка еще двух кораблей этого типа. С целью развития отечественной судостроительной промышленности их решено было строить в Гдыне. Заказ на «Huragan» и «Orkan» выдали 1 мая 1939 г., но до начала войны успели подготовить лишь часть материалов, а до закладки кораблей дело так и не дошло.

В итоге военно-морских приготовлений к началу Второй мировой войны в составе польского флота числились 4 эсминца, 5 подводных лодок, 1 торпедный катер, 6 тральщиков, 2 транспорта и мелкие суда.

Польский ВМФ был ослаблен еще до начала военных действий уходом в Великобританию трех эсминцев: 30 августа 1939 года «Буря» (Burza), «Молния» (Blyskawica) и «Гром» (Grom) покинули свои базы. Согласно планам польского командования, эти корабли должны были нарушать торговое судоходство Германии, базируясь в портах Англии. Очевидно, что оставление эскадренных миноносцев в польских базах не могло существенно повлиять на ситуацию в отражении немецкой агрессии.

ВМФ Польши был практически весь уничтожен в самом начале войны, а польским морякам пришлось сражаться на арендованных у Англии судах.

Состояние современного польского ВМФ

В конце прошлого века Польша добилась того, чтобы ее Военно-морской флот представлял НАТО на Балтике. Надо сказать, что это стратегическая и весьма ответственная миссия. Обратим внимание на то, что сегодня основу польского ВМФ составляют два больших ракетных фрегата «Пуласки» и «Костюшко», которые были спущены на воду в 1980 г. Польша получила их от США. В 2014 г. в США останавливают производство запасных частей для кораблей этого класса. На фрегатах используются вертолеты Kamran Super Seasprite, от которых американские военно-морские силы отказались еще в 2001 г. Сохранение на вооружении вертолетов обходится весьма дорого [6].

США подарили полякам корабли, которые после двадцати лет эксплуатации нуждались в капитальном ремонте. По сведениям польского издания «NIE», этот ремонт обошелся польским налогоплательщикам в десятки миллионов долларов. Таким образом, американцы не только сэкономили, передав корабли полякам, но и при этом заработали на запчастях, технической помощи и обучении персонала.

Самая новая из четырех подлодок класса «Коббен», которая была передана Польше Норвегией, была спущена на воду 40 лет назад. При этом отметим, что ресурс таких субмарин составляет в среднем 25 лет, однако они эксплуатируются по сей день. Естественно, что флот остро нуждается в запчастях к подлодкам. Ремонт большинства подлодок практически уже невозможен. Если ничего не изменится, то совсем скоро единственной польской подлодкой на ходу окажется советская субмарина «Орел» класса «Кило» 1986 г. выпуска. Для того чтобы ВМФ Поль-

ши сохранял боевую готовность, в течение 10 лет в него нужно вложить 8-10 млрд. долл. Однако, как отмечают польские СМИ и члены парламента, до 2015 г. в бюджете в отношении военных нужд будут иные приоритеты: необходимо заплатить США несколько миллиардов долларов за истребители F-16, купленные у американских «союзников» [6].

Были времена, когда на верфях Гдыни поляки строили десятки первоклассных кораблей для ВМФ СССР.

Но современная шляхта полна энтузиазма. Так, журналист В. Лучак в журнале «Политика» с гордостью и нескрываемым восторгом пишет [3]: «Два польских минных тральщика — «Чайка» и «Мева», участвовавшие в недавних учениях 12 стран НАТО и партнеров союза, обнаружили в водах Балтики поблизости от Риги 52 различных подводных объекта (!?), что положительно свидетельствует о возможностях наших военно-морских сил».

На модернизацию «Мевы», «Чайки» и «Фламинго» было выделено 100 млн. злотых (около 25 млн. долл.). За 35 млн. злотых Северная верфь сделала новый немагнитный корпус у построенного еще в 80-е годы для советского ВМФ судна и превратила его в современный корабль тыловой поддержки «Контр-адмирал Черницкий». Сегодня о деятельности этого судна не принято говорить открыто — известно лишь, что оно поддерживает в Персидском заливе деятельность Пятого флота США в антитеррористической операции и на его борту размещено подразделение боевых пловцов военно-морского флота Польши и спецподразделение «Формоза». По неофициальным данным, судно и его экипаж завоевали доверие американцев, которые не соглашались на возвращение «Контр-адмирала Черницкого» в Польшу. Поэтому дискуссия о будущем польского военно-морского флота и его структуре проходит сейчас на фоне несомненных успехов польского флага в операциях союзников. Руководство флота под командованием адмирала Р. Лукашика, строит обширные планы. Их размах, однако, будит опасения в варшавских командных кругах еще и потому, что в министерстве национальной обороны и в Генеральном штабе не так уж много представителей военно-морского флота...» [3].

Справка. «Мева», «Чайка» и «Фламинго» — три 60-метровой длины судна с максимальным водоизмещением по 500 тонн — признаны лучшими из всей серии судов, построенных на верфях имени Парижской коммуны в Гдыне еще в 60-х гг., а «Контр-адмирал Черницкий» был построен по заказу СССР в 80-е годы прошлого века [3].

Осадничество. Колониальный проект в контексте политической психологии

Концепция осадничества и её реализация. Осадничество (осадничество) в межвоенное двадцатилетие 1918-1939 гг. было в первую очередь стратегической политической акцией и только во вторую очередь — социально-экономическим проектом. Оно являлось одним из способов реализации концепции федерализма Ю. Пилсудского, важным элементом которой была практика колониализма с польской спецификой. Политика Пилсудского в значительной мере определялась так называемой Ягеллонской идеей, в основе которой заложен постулат о том, что благополучие Польши зависит от того, сможет ли она утвердиться на украинских и белорусских землях [7]. Польская ментальная идентичность в том виде, в котором она сформировалась к началу XX в., побуждала правящие элиты к экспансии на Восток. Именно это пространство, состоящее из Украины и Белоруссии, поляки привыкли считать своей национальной территорией. При этом главным противником восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г. они считали только русских.

Ягеллонская концепция активно использовалась польской политической элитой для решения политических проблем и трансляции в общество идей федеративного государства «от моря до моря». Именно поэтому в стремлении польских властей изменить структуру народонаселения на западноукраинских и западнобелорусских землях в пользу поляков особая роль принадлежала политике осадничества — переселения на эти земли поляков из Центральной Польши.

Закон «О военном осадничестве на восточных землях» был принят польским правительством 16 декабря 1920 г. Лучшие земли, заселенные в основном украинцами Галичины и Волыни, которые сами страдали от малоземелья, должны были теперь передаваться полякам — инвалидам, демобилизованным солдатам, офицерам и их семьям. Они должны были стать опорой польской власти на этих территориях. Кроме того, они должны были воздействовать на местное население, приобщая их не только к «польской культуре», но и к «католической вере». Ещё Т. Костюшко писал о том, как можно и как нужно сделать «*rusino'w naszych*» поляками по самосознанию. Он считал, что главным орудием для этого может быть только католическая религия, распространение католической веры [8].

В течение только первых двух лет в Восточной Галичине оседают десятки тысяч поляков. Они получили 160 тыс. га земли. Такие действия польской власти по-

ложили начало очередному этапу польско-украинского противостояния, что во время Второй мировой войны вылилось в кровавые столкновения и массовую резню с обеих сторон [9].

На протяжении 1919 – 1929 гг. 77 тысяч польских осадников (колонистов) получили 600 тысяч га земли. По данным «Энциклопедии Истории Беларуси», в период 1921-1939 гг. с этнических польских земель в западную Белоруссию было переселено около трёхсот тысяч осадников [10].

Политическая практика осадничества резко обострила межнациональные отношения на всех восточных территориях, — т.н. «крессах восточных»¹, так как наделение поляков землей осуществлялось при явной дискриминации коренных жителей. Так, в Западной Белоруссии в двадцатые годы фактически постоянно осуществлялся режим чрезвычайного положения. В 1924 г. на восточных границах довоенной Польши был создан Корпус Пограничной Охраны (*Korpus Ochrony Pogranicza* — КОР), одной из главных задач которого было т.н. «сдерживание» украинского и белорусского национальных меньшинств. Показательно, что концентрационный лагерь «для неблагонадежных» в Западной Белоруссии, в Березе Картузской, был открыт одним из первых в Европе в 1934 г., а в Бяла-Подляске — в 1936 г. [11].

Исторической точкой отсчёта, с которой начинался процесс политики осадничества, представляется возможным считать 3 марта 1918 г. В этот день в Брест-Литовске был подписан мирный договор между советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией — с другой. По условиям этого договора Россия теряла Польшу, Финляндию, Прибалтику, Украину, часть Белоруссии.

В декабре 1919 г. Высший совет Антанты устанавливает временную восточную границу Польши по «линии Керзона». В 1919 г. по Версальскому договору к Польше отходят германские территории: Поморье и Познань — города Бромберг, Быдгощ, Познань и др. В этом же году по Сен-Жерменскому договору Польша присоединяет к себе Галицию: города Львов, Станиславов, Перемышль, Тернополь и др.

Польша, подстрекаемая и вооружаемая Антантой, в октябре 1920 г. захватывает у ослабленной гражданской войной России часть белорусских и украинских земель — Новогрудок, Полесье, Волыньщину. 18 октября 1920 г. Верховный главнокомандующий Ю. Пилсудский в сво-

ём приказе писал: «Солдат, который столько сделал для Польши, не останется без награды. Благодарная Родина не забудет о нем. Были завоеваны огромные пространства, обезлюженные и превращенные мировой войной буквально в сплошные развалины. Я предложил уже правительству [позаботиться о том], чтобы часть завоеванной земли стала собственностью тех, кто ее сделал польской, оплодотворив ее польской кровью и сверхъестественными своими подвигами. Эта земля, засеянная кровавым семенем войны, ждет сева мирного, ждет тех, кто сменит меч на плуг, дабы в своем труде одержать столько же мирных побед, сколько они одержали их на поле боя» [12].

До этого в марте 1920 г. польские легионы отторгают у Литвы Виленщину, населенную преимущественно белорусами.

В марте 1921 г. в Риге советская Россия и Польша подписывают Договор о границе, в соответствии с которым Западная Белоруссия и Западная Украина отходят к Польше. За день до подписания Рижского мирного договора 1921 г. во все польские дипломатические миссии за границей министерством иностранных дел была разослана инструкция, в которой определялось направление будущей польской политики по отношению к восточным соседям Польши. «Следует и дальше поддерживать враждебные советской России элементы как русские, так и украинские, белорусские и кавказские... — говорилось в ней. — Наши интересы на востоке не кончаются на линии наших границ... Нам... небезразлична судьба земель исторической Речи Посполитой, отделенных от нас будущим Рижским договором» [13].

В 1921-1922 гг. Польша снова укрупняется уже за счет германских территорий — Верхней и Южной Силезии. В марте 1923 г. союзные державы признают г. Вильно и Восточную Галицию территориями Польши.

Примечательно, что молодое польское государство в своей внешней политике опиралось на ультиматумы, откровенную агрессию, разбалансировку шаткой системы мирообеспечения и коллективной безопасности. Без объявления войны и нарушая перемирия, Польша дважды нападала на Литву и оккупировала Вильнюс в 1919 и 1920 гг., а также на советскую Россию в 1920 г. В 1938 г. Польша в ультимативной форме под угрозой военного вторжения решала территориальные проблемы с Литвой и Чехословакией.

Милитаризированная Польша, являясь одной из учредительниц Лиги Наций, демонстративно ее игнори-

¹Восточных окраин. От польск. *Kresy Wschodnie*. «Крес» — граница, конец, край — польское название территорий нынешних западной Украины, Белоруссии и Литвы, некогда входивших в состав Польши.

ровала. Так, в 1934 г. польское правительство уведомило Лигу Наций об одностороннем расторжении договора о защите национальных меньшинств и совместно с Германией сорвало подписание «Восточного регионального пакта». В 1938 г., прибегнув к ультиматуму и угрозе военной агрессии, не дожидаясь выполнения Мюнхенского соглашения, Польша вероломно захватывает Тешинскую область, которую 28 июля 1920 г. уступила Чехословакии в обмен на нейтралитет в польско-советской войне.

Реализуя «ягеллонскую идею» «Дранг нах Остен» в версии Пилсудского, II Речь Посполитая к моменту её военного и политического краха 1939 г. приблизилась к территориальным владениям времен I Речи Посполитой 1569-1795 гг., «лоскутное одеяло» которой также прирасстало захватническими войнами и аннексиями. Во всех отношениях «восточные окраины» целенаправленно были превращены в колонию центральной Польши, ее аграрно-сырьевой придаток с полунатуральным низкодоходным производством [14].

Такое поведение Польши У. Черчилль сравнил с «жадностью гиены». Таким образом, II Речь Посполитая приросла в результате захватнических войн и аннексий, на что обращают внимание не только советские и российские историки, но и западные: Н. Ачерсон, Ж. Бувье, Ж. Гасон, Н. Вакар, Д. Далинин, К. Фармер, З. Коэртс, С. Хорак и др. [14].

Относительно «кресов восточных» отметим: граница 1921 г., признанная великими державами и вынужденно советской Россией не отражала ни этнографической карты расселения поляков, ни границ прежнего Королевства Польского, закрепляя лишь status quo: здесь остановились польские легионы. Соседние страны под нажимом Антанты смирились с таким положением дел, но не оставляли при этом надежд на возвращение своих территорий.

В реализации политики осадничества режим Пилсудского столкнулся с рядом серьезных проблем: национальные меньшинства населяли половину всей территории страны и составляли почти 40% ее населения. Отдельные национальные меньшинства имели различный удельный вес и различное значение в системе польского государства. Но украинское меньшинство, составлявшее 8 млн. человек, бесспорно, занимало центральное место среди остальных меньшинств. Украинская проблема, или, как ее называли поляки, проблема «юго-восточных кресов» была стержневой национальной проблемой Польши.

Западноукраинское крестьянство владело лишь 22% всей обрабатываемой земли. Таким образом, 4/5 хозяйств владело лишь 1/5 земли; 78% исконной укра-

инской земли было захвачено польским государством, церковью, десятками тысяч колонистов-осадников и помещиками. Одним только помещикам принадлежало 46% украинской земли. В Станиславовском воеводстве 630 польских помещиков держали в своих руках больше половины всей земли, в то время как свыше 200 000 бедняцких хозяйств имело немногим больше 1/4 земельной площади. Грабеж украинских земель проводился в виде усиленной военной и гражданской колонизации, под лозунгом «Ни вершка земли в непольские руки!».

Западная Украина «в пределах Польши является оазисом сверхнищеты». Это признание вырвалось однажды из уст бывшего вице-премьера Квятковского, когда он говорил об экономическом положении Западной Украины.

Второе по значению место среди нацменьшинств польского государства занимали белорусы, численностью до 3 миллионов. Обнищание крестьянства в Западной Белоруссии дошло до предела. В Полесье 3000 помещиков держали в своих руках 2/3 всей земельной площади, а 70000 бедняцких белорусских крестьянских хозяйств имели меньше 1/16 части [15].

Третье место занимали евреи — 3 млн. человек. Далее по списку шли литовцы, немцы, чехи, русские и др.

По данным С. Шиптенко, только западнобелорусские земли, являвшиеся частью «кресов восточных» Второй Речи Посполитой, составляли 113 кв. км. — 24% ее территории с 11% населения. По состоянию на 1931 г. там проживало 4,6 млн. чел., из них: белорусов — 65%, поляков — 15%, евреев — 11%, украинцев — 4%, литовцев — 2,5 %, русских — 2% [15].

Национальная политика польского правительства сводилась к принудительному ополячиванию украинцев, белорусов и русских. Весь административный аппарат, судебные органы, железные дороги, учреждения были переведены на польский язык. Украинский и белорусский языки полностью игнорировались. Дело доходило до того, что в почтово-телеграфных конторах отказывались принимать телеграммы на украинском и белорусском языках. Почтовые чиновники издевательски заявляли, что они украинского и белорусского языка не знают. За первые 10 лет хозяйничанья польских властей в Западной Украине количество народных школ с 3 600 было сокращено до 400—500 [15].

Русскому «меньшинству», как и другим нациям, на территории польских кресов приходилось не только бороться с нуждой, но и вести повседневную борьбу за свою национальную культуру. Полонизация проводилась не только в отношении школьного преподавания, но и в

отношении религиозном. В школах был введён католических катехизис и обязательное посещение богослужений в католических церквях, о чём свидетельствуют сами польские историки и, в частности К. Сроковский [16]. Был провозглашён тезис – «русских в Польше нет», оправдывавший полное уничтожение русских школ. По этому плану было предложено полностью перейти на польский язык. Те же школы, которые захотели сохранить преподавание на русском языке, были закрыты. Большинство школьных зданий было отобрано [17].

Пилсудский публично высказал свои взгляды на тему политики в Восточном Приграничье уже в январе 1920 г. в Ровно, во время инспекторской поездки на Волинский фронт. В своем выступлении перед представителями волинской земли он сказал: «Когда мы говорим о Кресах, мы должны отдавать себе отчет, что это такое. Кресы – это столкновение одного народа с другим, одной культуры с другой, одного воспитания с другим воспитанием. Поэтому самым трудным заданием приграничной политики властей является формирование среди населения крепкого, непоколебимого уважения к самим себе. Во всем мире приграничная политика похожа. Я не знаю другой приграничной политики, кроме выражающейся лозунгом: «Горе побежденным!» И если во всем мире в приграничной политике господствует ложь, я хочу, чтобы наша приграничная политика была честной» [12].

Правовое положение белорусов и украинцев на оккупированных Второй Речью Посполитой территориях существенно отличалось от поляков центральной Польши. Им фактически было отказано в национально-культурном самоопределении и развитии. Повсеместно ликвидировались школы национальных меньшинств. За короткий срок польские власти полностью ликвидировали белорусские школы, жестоко преследовали белорусскую интеллигенцию, общественно-политический актив белорусских партий и общественных объединений. Гонениям подверглись национальные и религиозные меньшинства, прежде всего – белорусы и украинцы православного вероисповедания.

Осадничество в сфере землевладения было дополнено привлечением шовинистически настроенных педагогов и бюрократов из центральной Польши, откровенным фарсом выглядело т.н. местное самоуправление «кресов восточных». В глубоком подполье оказалась национальная печать. Впрочем, режим жестко цензурировал и преследовал практически все издания, хотя бы на йоту отступавшие от официозных идеологем. Любая попытка хотя бы заявить о своем униженном и бесправном положении подавлялась жестокими репрессиями.

Хищническое разграбление природных ресурсов Западной Белоруссии и Украины поощрялось центральным правительством, как и удушение любых отраслей, которые могли составить конкуренцию производителям центральной Польши. Такая система целенаправленно создавалась и основывалась на польских латифундиях и монополистическом капитале, полуфеодалных отношениях, ценовой и налоговой дискриминации, завышенных железнодорожных тарифах, откровенно разбойничьем военно-полицейском колониальном терроре. Разорение и глубокий экономический упадок отторгнутых польской военщиной белорусских и украинских земель превратил их в рынок сбыта промышленных товаров по искусственно завышенным ценам, произведенных в центральных и западных воеводствах [14].

К. Симонов так выразил отношение своих современников к финалу военного осадничества, начавшемуся 17 сентября 1939 г.: «Надо представить себе атмосферу всех предыдущих лет, советско-польскую войну 1920 г., последующие десятилетия напряженных отношений с Польшей, осадничество, переселение польского кулачества в так называемые восточные кресы, попытки колонизации украинского и в особенности белорусского населения, белогвардейские банды, действовавшие с территории Польши в двадцатые годы, изучение польского языка среди военных как языка одного из наиболее возможных противников, процессы белорусских коммунистов. В общем, если вспомнить всю эту атмосферу, то почему же мне было тогда не радоваться тому, что мы идем освобождать Западную Украину и Западную Белоруссию? Идем к той линии национального размежевания, которую когда-то, в двадцатом году, считал справедливой, с точки зрения этнической, даже такой недруг нашей страны, как лорд Керзон, и о которой вспоминали как о линии Керзона, но от которой нам пришлось отступить тогда и пойти на мир, отдававший Польше в руки Западную Украину и Белоруссию, из-за военных поражений, за которыми стояли безграничное истощение сил в годы мировой и гражданской войны, разруха, неприконтинентальный Врангель, предстоящие Кронштадт и антоновщина, — в общем, двадцатый год» [18].

Концом осаднической акции стало решение советских властей от 10 февраля 1940 г. о депортации осадников с семьями в Сибирь, а также северные районы СССР.

Психолого-политические установки концепции осадничества. Для польской политической элиты, как и для поляков вообще, отношение к восточным соседям строилось на определённых ментально-догматических

основаниях [19], которые уходят в вековые глубины истории и определяются как «политика памяти» и «историческая политика» [20]. Именно на этих основаниях конструируется идеология польской восточной политики вообще и осадничества в частности, какой бы партией она ни оглашалась. Поляки сами открыто говорят о «болезненной чувствительности Польши» к России и требуют уважения к своим чувствам.

Основание политики на таких сугубо эмоционально-психологических понятиях столь специфично для Польши, что крайне редко находит понимание как на прагматичном Западе, так и в России. Обыкновенно заявления на этом языке воспринимаются как риторические обороты и всерьез не рассматриваются. Здесь надо учитывать своеобразие психологических установок на прошлое Восточной Европы и на ее нынешнее состояние. Осознание этой специфики давно уже стало важной задачей как для российских политиков, так и для российского общества. Польша для нас – не тот сосед, с мнением которого можно вообще не считаться.

Традиционно в Польше выделялись две основные парадигмы иностранной политики, названные по основным польским королевским династиям средневековья – пясковской¹ и ягеллонской².

Первая подразумевает установление активных отношений как союзнических, так и конфронтационных с немцами и весьма пассивную политику на востоке.

Вторая, как уже было сказано, вся обращена на восток, на проникновение в русские земли и в Литву. Это идеология «покорения Востока» и несения ему «света западной культуры», идеология «великой Польши» не как центральной европейской, а как основной восточноевропейской региональной державы. Дилемма выбора между этими двумя вариантами актуальна для поляков до сих пор.

Рассмотрим ключевые политико-психологические установки правящих элит Речи Посполитой, которые определяли реальную практику осадничества. Они и по-прежнему актуальны в начале XXI столетия.

Первая установка: Украина – это польская земля. Правда, в наш век политкорректности открыто говорить об этом не принято по дипломатическим соображениям. Поляки признают польской территорией все земли, когда-либо подчинявшиеся польской короне, но в отношении Украины эта установка всегда проявлялась осо-

бенно остро. Так сложилось исторически, что с XIV по XVII вв. территории Украины были областью активной колонизации польской шляхтой, которая и представляла собой «*narod Polski*» в его сарматском понимании. Ко времени войн Б. Хмельницкого (1595 – 1657 гг.) почти все земли нынешней Украины, кроме Новороссии, Запорожья и Закарпатья, были в собственности у польских или полонизировавшихся землевладельцев. Так что они в известной мере были польскими даже *de jure*. Мало какой поляк признает, что Киев, а особенно Львов, – не польские города. Для поляка украинцы вместе с белорусами в Польше и по сей день – «*narody chlopskie*», то есть это потомки взбунтовавшейся черни, бывшие крепостные, у которых нет своей культуры и уж тем более – своей земли и своих городов.

О.Б. Неменский приводит данные опросов общественного мнения, проводившихся в Польше в 1990-е годы. На вопрос о том, «какие народы вам наиболее антипатичны?», первое место прочно удерживали именно украинцы. Это определено установкой о том, что украинцы захватили польские земли и польские города, и памятью о той резне, которую те устроили осадникам в конце 1930-х – в 1940-е гг. на территориях нынешней Западной Украины. Главные чувства типичного поляка к украинцам: презрение, бытовой страх и цивилизаторское высокомерие. Ведь если у украинцев и есть какая-нибудь культура, то только благодаря тому, что их чему-то обучили поляки.

Ещё в XVI в. в польском менталитете сложилось убеждение, что земли и народы к востоку от Варшавы – это своего рода «польская Америка» и населена она «восточными индейцами». Святой долг поляка заключается в освоении этих земель, их окультуривании, а также в крещении аборигенов, так как православие христианством не считалось. Эта, по сути, догматическая ментальная установка [24] переросла в осознание своего долга продолжать просвещать украинцев, нести им свет с Запада, не оставлять в невежестве и уж тем более – в лапах страшного Востока. Политика Польши по отношению к Украине, какой риторикой она ни была бы украшена, – это не политика «дружественного государства». Это политика, ведома по отношению к «своим» же, хоть и утраченным, землям, и нацелена она на хотя бы частичное восстановление польского влияния на «своей» территории и выдавливание оттуда «московского агрессора» [8].

¹Пясты (польск. Piastowie) – первая польская княжеская и королевская династия. Легендарным основателем династии был крестьянин-колесник Пяст, возведённый на престол, опять же по легенде, Абрамом Проховником.

²Ягеллоны (белор. Ягеллоны, польск. Jagiellonowie, лит. Jogailaičiai) – королевская династия, правившая в государствах Центральной Европы в XIV – XVI вв.

Вторая установка определяет отношение поляков к Белоруссии. Её территории, хотя и заселялись в межвоенный период осадниками, не воспринимались столь однозначно как польские, так как исторически они были в составе Литовского великого княжества. Эти земли традиционно назывались поляками Литвой, её население – литвинами. Хотя и это вряд ли их делает совсем уж непольскими – всё же для многих поляков, как и для Адама Мицкевича, Литва была «своей отчизной». В отличие от украинцев какого-либо внятного образа белорусов и Белоруссии у поляков не было, как и каких-то определённых чувств к ним. Как признают сейчас некоторые польские социологи, впервые ясный образ этой страны появился в польском сознании лишь в середине 1990-х, когда к власти в ней пришёл А. Лукашенко. По сей день понятия «белорусы» и «Лукашенко» для поляка неразрывны. При резко негативном отношении к этой политической фигуре в польском обществе сам образ белорусов оказался также негативным. Это образ тех «восточных индейцев», которые столь закостенели в своём невежестве, что просто отворачиваются от света культуры и цивилизации, предпочитая прозябать в рабстве и «хамстве» [8].

Третья установка неотделима от первых двух. Она весьма жёстко, однозначно, и что весьма важно – аффективно¹, программирует польское восприятие России. Образ России, эмоционально негативно насыщенный – центральный для польского менталитета. Последние пять столетий он строится именно на этой основе, отталкиваясь от него как от всего самого тёмного. Итак, во-первых, Россия, в первую очередь, это страна крайней дикости, жестокости, бескультурия и рабства. Русские являют собой прямую противоположность полякам во всём, кроме тяги к алкоголю [21]. Во-вторых, Россия – это враг и постоянный агрессор на «польских землях». Рассказы на эту тему о России как в позднее средневековье, так и в современной польской прессе практически одинаковы.

Анализируя поведение польского правящего класса, представляется возможным диагностировать его ментальные особенности исходя из концепта, который психологической наукой определяется как аффект неадекватности [22]. Он представляет собой устойчивое во времени отрицательное эмоциональное состояние, вызванное неспособностью добиться успеха в какой-либо деятельности. Характеризуется или отрицанием самого факта неуспеха, или переложением ответственности за него на других. Аффект неадекватности в значительной

мере является защитной психологической реакцией, позволяющей сохранить завышенный уровень притязаний и избежать осознания своей несостоятельности. Данное состояние связано также с нежеланием и/или неспособностью устанавливать адекватный контакт с окружающей реальностью. Может проявляться в агрессивности, негативизме, повышенной обидчивости, недоверчивости, подозрительности. Аффект неадекватности возникает, как попытка субъекта с завышенной самооценкой оградить себя от реальных обстоятельств и сохранить неадекватно высокую самооценку.

Для менталитета с выраженной аффективной доминантой совершенно неважно, что образ России далек от реальности, от собственно России и русских, так же как и средневековые рассказы о людях с песьими головами и четырьмя руками были далеки от образа реальных туземцев, встречаемых путешественниками. Здесь и не идёт речь об адекватности. Этот русофобский образ, давно ставший аффективно насыщенным комплексом – он для внутреннего потребления. Он воспринимается исключительно догматически как некая истина *a priori* и тем самым структурирует национальный польский менталитет [24]. Главное, что Россия – это центр мирового зла, это страна «подлой жизни», это антипод Польши. Сколь далеко заходить в описании этого средоточия зла, как и его хитроумных происков, – зависит от страстности и остроумия публициста при дворе короля Сигизмунда III или редакции «Газеты Выборчей» [8].

Неадекватность польских описаний России и российской политики во многом подкреплена и структурно-языковыми причинами. Поляки вообще не знают о существовании такого народа, как «русские». Слово «ruski» в польском языке носит ругательный характер и потому удалено из литературной лексики. Его можно встретить только при описании реалий земель нынешних Украины и Белоруссии в прошлых веках. Ведь в составе Речи Посполитой существовало и Русское воеводство с центром во Львове. В любом старом польском городе есть Русская улица, на которой жили православные торговцы и ремесленники. Тем не менее применительно к тамошнему населению этноним «русские» был за XX век заменён на «украинцы» и «белорусы», само же слово осталось как определение для крайне невоспитанного и некультурного человека низких побуждений и «восточной» национальности.

Московское же государство для поляков всегда было населено «москвитами» («москалями») или позже

¹Аффект – от лат. affecto – страстно стремиться, горячо желать, домогаться. Здесь – эмоционально вовлечённое, вождённое, бессубъектное, нерелексивное и нереалистичное взаимодействие с действительностью.

«россиянами» (*rosjanie*). Поляки, подданные Российской империи, называли Россию «тюрьмой народов». Они так и говорили: «Мы не русские, мы – россияне, потому что почитаем Папу Римского, а в России живём, как в заточении» [23]. В.И. Даль писал о происхождении слова «россияне», о том, что именно Польша прозвала нас «россиянами» по правописанию латинскому, а мы переняли это [23] по нашей склонности к бездумному подражанию Западу.

Когда Советский Союз предложил обучать поляков русскому языку, они открыли для себя, что «россияне» – тоже русские, и это открытие носило откровенно оскорбительный для самих русских смысл. Теперь ругательное слово «*ruski*» часто применяется и к современным «россиянам». Однако оно не является этнонимом, это лишь ругательство.

Осознание русских как россиян принципиально меняет восприятие истории и искажает для поляка смысл московской политики. Если русское самосознание отсылает нас к понятию Руси и русской земли, делая тот же Львов в нашем восприятии всё же скорее русским, чем польским или украинским городом, не говоря уже о «Матери городов русских» – Киеве, то поляку совершенно непонятно, какое отношение «россияне» могут иметь к русским землям польских кресов.

Этническая граница россиян проходит по западным границам бывшей Речи Посполитой, то есть по границам нынешних Украины и Белоруссии. Если для русских политика присоединения украинских и белорусских земель была скорее политикой объединительной, а не завоевательной, политикой национальной консолидации по восстановлению русского единства на Русской земле, то для поляка любой выход россиян на территорию польских кресов, на «*ruskie ziemie*» – это однозначно акт агрессии.

В представлении поляка россияне не имеют никакого отношения к понятию Руси и у них мало общего с украинцами и белорусами. У них есть свое Московское царство со своей традиционной территорией. То, что для русских было отвоеванием своего, для поляков было попыткой захвата польских земель, не имеющей под собой никаких исторических оснований. Соответственно любой политический шаг современного руководства России, направленный на сближение с Украиной и Белоруссией – это лишь очередная выходка агрессора. России должно быть стыдно за то, что она когда-то вторглась на эти территории, разрушила политику и практику осадничества, и теперь поляки ждут покаяния России за то, что она посмела помешать польскому господству на них.

Вместо этого Россия продолжает делать попытки сохранить там своё влияние, что до глубины души оскорбляет поляка – ведь это польские земли.

Москва не сможет когда-либо признать, что старые западнорусские земли Украина и Белоруссия – это исторически польская территория, и она никаких оснований для влияния на них не имеет. Москва не замечает Польшу: для русских это лишь небольшое государство где-то на западных границах. Столь же трудно предположить, что поляки когда-нибудь откроют для себя существование русского народа, который мыслит всю территорию Руси как свою. Любые действия Москвы относительно Украины и Белоруссии будут расцениваться как проявления «извечного российского империализма», а в кулуарах обсуждаться как вмешательство в польские дела.

Колониальная ностальгия. Невыученные уроки истории

Великие державы-победительницы после Второй мировой войны вернули Польшу в её пястовские границы. Следствием этого возвращения, по мнению О.Б. Неменского, является некоторый надлом современного польского менталитета: границы соответствуют не той Польше, по которой она скорбит. Польша теперь телом в Центральной Европе, но душой по-прежнему в Восточной, что определяет польскую восточную политику. В Польше традиционно почти вся политика, и даже не только внешняя, так или иначе сводится к восточной [24].

Современная польская идентичность сконструирована на основе российского антиобраза. Россия по-прежнему воспринимается как «страна зла», как антипод поляков. Те же «русские ценности», как их формулирует польская культура, являются всего лишь перевёртышами того, что осознаётся как «польские ценности», а «российская действительность» традиционно описывается по модели, собирающей всё самое худшее, что может вообразить себе поляк. Но главное – это не русская страна, а «российская», и живут в ней некие «этнические россияне».

Для поляков русских нет, есть россияне, украинцы и белорусы. Русской земли нет, есть российская и польская, на которой живут украинцы и белорусы и т.д. Так, даже в самом польском языке невозможно выразить существование русского народа. Например, как перевести на польский язык фразу «80% россиян составляют русские»? Дословный перевод невозможен. Для поляков русских просто нет.

Поляки не хотят признавать существование народа, для которого вся Русь – своя земля и своё священное пространство. Они не знают о русских, они готовы иметь

дело только с россиянами, то есть с воображённым в польской культуре народом, который по своей идентичности имеет отношение только к землям на восток от границ Первой Речи Посполитой.

Россия была и надолго останется для поляков коварным врагом, а аффективная русофобия – одной из главнейших черт польского менталитета и польской политики. С распадом Варшавского блока и вхождением Польши в ЕС и НАТО эта польская ментальная установка стала ещё аффективнее. Все прошедшие с тех пор годы русофобия в Польше росла как на дрожжах, а особенно в последнее время [25].

В среде парижской эмиграции в 1960-70-х гг. возникла несколько обновлённая концепция польской политики, продолжающая ягеллонскую линию. Доктрина Гедройца-Мерошевского, как она была названа по именам её авторов, актуализировала тот факт, что Россия теперь уже не является непосредственным соседом Польши на Востоке, а между ними расположен целый регион третьих стран, который был обозначен как «ULB» – Украина, Литва, Белоруссия – территория бывших «польских кресов». Основным объектом польской политики на Востоке провозглашался именно этот регион, а главной целью – максимальное ограничение влияния в нём Москвы [26].

Вся польская история с конца XVIII столетия – это тоска по утраченной государственности и по утраченному с нею национальному единству, это история борьбы за восстановление Польши. Лозунг «воссоздания Польши в границах 1772 г.» – важнейший для всей польской мысли с XVIII века и по XX. Для поляков осадничество было не оккупацией западнорусских земель, а восстановление своих «исторических границ». В 1939 г. по их убеждению СССР совершил не национально-освободительную операцию, а агрессию в отношении Польши. Современная польская политика в отношении бывших Кресов имеет

своей главной целью тотальное противодействие интеграционным тенденциям с Россией, ибо Украина и Белоруссия – это по-прежнему Кресы – окраины польской культуры, которые должны быть, если не в Польше и ЕС, то хотя бы тесно с ними связанными. [27]. Осадничество изначально по своей сути было инфантильной политической идеей и политической практикой аффективно-эгоистического «хочу», вместо реалистичного и ответственного «могу». Именно по этой причине оно закончилось крахом.

Справка. По официальной информации, подготовленной НКВД СССР 6 августа 1940 г., количество выселенных из западных областей УССР и БССР составляло 292513 человек. Это в 3-4 раза меньше оценок польских историков. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР, численность арестованных, осужденных к заключению в лагерях, высланных, военнопленных и интернированных польских граждан составляла 391575 человек [28]. В соответствии с Указом всего было освобождено 389041 человек, из них польской национальности 200828 [40].

В «Справке о количестве расселённых спецпереселенцев-осадников, беженцев и семей репрессированных (высланных из западных областей УССР и БССР) по состоянию на 1 августа 1941 г.», численность спецпереселенцев оценивалась так:

бывших военнопленных	26160;
осадников и лесников	132463;
осуждённых и следственных	46597;
беженцев и семей репрессированных	176000;
итога	381220.

Литература

1. Банкротство стратегии германского фашизма. – М.: Наука, 1973.
2. Колониальные амбиции Второй Речи Посполитой. <http://i-grappalivejournal.com/520970.html?mode=reply&style=mine>.
3. О перспективах развития ВМФ Польши. <http://sbipbuilding.ru/rus/articles/poland>.
4. Das Dritte Reich. Глава V. Боевые действия на Балтике. Уничтожение польского флота. <http://www.drittereich.info/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=310>.
5. Трубицын С.Б. Линкоры второстепенных морских держав. – СПб., 1998. – С. 35-36.
6. Тимофеев А. Польский флот идет ко дну. <http://www.rosbalt.ru/print/490126.html>.
7. Гончаров В.В. История Восточной Прессии и Калининградской области в отечественной и зарубежной историографии XX- начала XXI века: Автореф. ... канд. ист. наук. – М., 2009; Wojcik-Lagan H., Litwini I stosunki polsko-litewskie w podrecznikach historycznych lat 1918-1939 / Miedzy Wschodem I Zachodem: Miedzynarodowa konferencja, Lublin 18-21 czerwca 1991 // red. M.Filipowicz. – Lublin, 1994.
8. Неменский О.Б. Поляки и русские: народы разных времён и разных пространств // <http://www.imperiya.by/theory3-7144.html>.
9. <http://gazeta.ua/index.php?id=319934&lang=ru>.
10. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%81%D0%B0%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8>.
11. Прибылов В.И. «Захват» или «Воссоединение»? (Зарубежные историки о 17 сентября 1939 г.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9.
12. Гловацка Л., Жак А.С. Военное осадничество на Волини в 1921-1939 гг. в свете документов Центрального Воинского Архива.

- ва (Lidia Głowacka, Andrzej Czesław Żak, OSADNICTWO WOJSKOWE NA WOŁYNIU W LATACH 1921-1939 W ŚWIELE DOKUMENTÓW CENTRALNEGO ARCHIWUM WOJSKOWEGO) // <http://dtzkyuylivejournal.com/12695.html>.
13. Mikulicz S. *Prometeizm w polityce 11 Rzeczypospolitej*. — Warszawa, 1971. — S. 63 — 64.
14. Шиттенко С. Свобода белорусского народа: помнить и чтить // <http://evrazia.org/print.php?id=1074>
15. Тихомиров М. Западная Украина и Западная Белоруссия // Свободная мысль. 2009. № 9. — С. 159-168.
16. Сроковский К. Национальный вопрос в восточных краях. — Краков, 1924.
17. Ковалевский П.Е. *Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920 — 1970)*. — PARIS. LIBRAIRE DES CINQ CONTINENTS. 18, Rue de Lille (7e); Ковалевский П.Е. *Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск*. — PARIS. LIBRAIRE DES CINQ CONTINENTS. 18, Rue de Lille (7e).
18. Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине // http://www.brono.ru/dokum/197_dok/19790227sim.html
19. Ракитянский Н.М. Глубинные психолого-политические причины доминирования в современном мире западного типа менталитета // В кн.: *Теория и практика российской политической психологии: Материалы международной научной конференции, посвящённой 20-летию кафедры политической психологии СПбГУ, Санкт-Петербург, 23-24 октября 2009 года* / Под научной редакцией проф. А.И. Юрьева — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. — С. 328-342.
20. Неменский О.Б. Восточная политика Польши // <http://www.wedrus.org/content/view/3254/56/>
21. Кемтинский А. *Экзистенциальная психиатрия*. — М.: Совершенство, 1998. — С. 47-48.
22. Мецераков Б., Зинченко В. *Большой психологический словарь*, 3-е изд. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
23. Косов Е. Быть русским. Русский национализм — разговор о главном / Евгений Косов. — М.: Зебра Е., 2005. С. 108-109.
24. Неменский О.Б. Поляки и русские: народы разных времён и разных пространств // <http://www.imperiya.by/theory3-7144.html>
25. Неменский О.Б. Восточная политика Польши // <http://www.wedrus.org/content/view/3254/56/>
26. Неменский О.Б. Пространства и идеологии восточной политики Польши // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35933>
27. Неменский О.Б. Поляки и русские: народы разных времён и разных пространств // <http://www.imperiya.by/theory3-7144.html>
28. Депортация польских граждан из западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году». Варшава — Москва, 2—3. Цитируем по Репников А. «Население положительно относится к проводимой операции» *Наши современники* №10, 2004. С. 227-229.

Материал поступил в редакцию 22. 03. 2010 г.